

Подавление (1)

В широком и просторном соборе черная фигура мгновенно врезалась в стену, как бабочка, застрявшая в паутине, его руки были широко раскрыты, и его удерживали бесчисленные зеленые нити шелка паутины, сияющие на стене позади него, совершенно неподвижно.

Он широко раскрыл рот и дико зарычал, но не издал ни звука. Эта фигура была совершенно черной, как смоль, как будто все его тело сделано из черных теней, и у него нет лица, только крошечный кусочек белого света, который можно увидеть внутри рта, когда он широко его открыл.

- Что же это за сон такой? - Гарен стоял в центре собора, сбитый с толку. Ему казалось, что со всех сторон на него смотрят чьи-то взгляды, но когда он посмотрел туда, то не видел никого, кроме себя, а только черную фигуру, прилепившуюся к стене.

Это был его первый сон. Он не видел ничего из того, что окружало его, и он был на сто процентов уверен в этом, потому что ни один из узоров на стенах собора не давал ему никакого странного ощущения.

- Черный Сет? - тихо позвал он, но никакого ответа из глубины его сознания не последовало.

Он поднял глаза и посмотрел на черную фигуру, боровшуюся на стене, на человека, который дико и безумно ревел, пытаясь вырваться из паутины. Но эта странная зеленая смерть все крепче вцеплялась в него. Гарен изо всех сил старался оставаться сосредоточенным и не позволять себе отвлекаться на все происходящее вокруг, иначе сон снова превратится в кошмар.

Он консервативно следил за всем, что его окружало. Собор был размытым и расплывчатым, он видел узоры вокруг себя, но когда попытался взглянуть поближе, всё становилось размытым. По обе стороны от него стояли высокие золотые человеческие статуи более десяти метров высотой: каждая крепко сжимала меч, который направлялся в землю обеими руками.

Гарен поднял ногу и медленно пошел внутрь собора. Он шел до тех пор, пока не оказался под застрявшей человеческой фигурой. Он протянул руку, чтобы коснуться огромной зеленой шелковой паутины, но, к сожалению, казалось, что между ним и паутиной был прозрачный кусок стекла, так что все, что он мог чувствовать - твердая и гладкая поверхность, мешающая ему.

Внезапно рядом с его ухом раздался слабый звук, и зрение Гарена слегка затуманилось, глаза

потеряли фокус.

- Ммм... — он открыл глаза и медленно выпрямился в кресле с откидной спинкой.

Этот сон сейчас был настолько реалистичен и странен, что он ясно помнил его даже после пробуждения. Он лежал на диване в гостиной на втором этаже, будильник на его телефоне, установленный заранее, звонил ритмично.

Натянув пижаму, Гарен встал с дивана, в маленькой гостиной было совершенно тихо, все служанки уже спали. Была ночь, занавески возле больших открытых стеклянных окон колыхались на ветру, ночной бриз задувал на балкон снаружи.

Гарен подошел к балкону и выглянул наружу.

Некоторые из маленьких мерцающих огоньков вдалеке были закреплены, другие двигались, и только несколько магазинов на противоположной улице все еще были открыты, остальные все были закрыты. Время от времени мимо проезжали несколько мотоциклов, нарушая тишину ночи.

Он взял телефон с кофейного столика. Там были сообщения от Рафаэль, его родителей и даже одно от Джейсона, спрашивающего его, когда он вернется в гости. Там было еще одно сообщение, на этот раз от Лытого.

После того, как этот парень ослеп на один глаз, он всегда злился на дочь Леви, жаждал мести, но под давлением Гарена он никогда не делал никаких реальных шагов. Однако его характер становился все более жестоким.

Гарен постучал пальцем по сообщению от Лытого.

«У меня есть кое-какие новости о маске. Есть такая маска в коллекции одной европейской семьи, однажды она появилась на частном аукционе. Мы сейчас общаемся с людьми, надеясь, что мы сможем купить её, но они кажутся довольно твердыми, явно не планируя продавать маску. Ищем другой путь.»

Сообщение было отправлено вчера вечером в 11 часов вечера. Гарен взглянул на часы - было 3.15 утра. Это должно быть 8 или 9 утра, где Лысый был.

Гарен отправил сообщение: «Можешь раскрыть часть своей личности, если они готовы продать ее, тогда их можно считать до некоторой степени друзьями Ночных Ястребов.»

Подождав некоторое время, последовал быстрый ответ с другой стороны.

«Босс, это может быть действительно трудно, у нас нет большого рынка сбыта в Европе. Основные места были заняты группами наемников, если бы мы были в Африке, это хорошо, но здесь... хотя теперь у нас, кажется, есть немного прорыва.»

«Пусть они выдвигают любые условия, какие им нужны, пока это не слишком важно, просто соглашайтесь на них, но помните о главном» - ответил Гарен.

«Понятно.»

Гарен положил трубку, к этому времени он уже начал ощущать что-то необычное в черной медной маске. После того, как он надел маску, он чувствовал, как клочья потенциальных ценностей текут из маски, впитываясь в его тело. До этого Гарен ясно помнил, что поглотил всю потенциальную ценность, но теперь появились новые пучки потенциальной силы.

Это сильно увеличило его любопытство к маске.

- Я же обещал тебе, Барцетина. Я не стану вмешиваться в твою личную жизнь, пока тебе не исполнится двадцать, - в роскошном кабинете седовласый старик глубоким голосом разговаривал с молодой женщиной.

- Тебе уже девятнадцать, скоро исполнится двадцать. Я, твоя мать и твоя бабушка - надеемся, что ты сможешь взять семейный бизнес на свои плечи, - старик помолчал, — ты любишь коллекционировать - мы тебе разрешаем. Ты любишь драться - мы тебя поддерживаем, и ты любишь кино - все это прекрасно. Но. Ты должна очень хорошо понимать, что твое будущее не похоже на будущее твоих друзей. Наш бизнес - бизнес, за который боролись наши предки, все это твои руки, чтобы контролировать, защищать, чтобы все это не пропало даром. Это твоя ответственность как члена семьи. Это также цена, которую ты должна заплатить за все, что тебе нравится.

Молодая девушка была одета в белую футболку и рваные джинсы, выглядя как обычный тинэйджер. Черты ее лица были широкими и грубыми, она даже походила на мальчика, в ней нигде не было и намека на красоту, она была из тех людей, которым трудно найти способ похвалить ее. Ее кожа имела глубокие поры, не была ни светлой, ни темной, а вместо этого - грязно-желтой. Ее короткие волосы были сухими, как сухая трава, у нее были маленькие глаза, большой нос и большой рот, как в юности, она действительно унаследовала все недостатки своих родителей и ни одной из их сильных сторон.

Когда она слушала лекцию своего деда, но ее сердце было спокойно.

- Мне ведь еще нет двадцати, верно? Я знаю, что делать после моего дня рождения, - спокойно ответила Барцетина.

- Мы беспокоимся, что ты не понимаешь, - возразил ее дедушка. - Ты должна знать, что важно. В этом мире сила - самая сильная вещь, самое острое оружие. Во-вторых, это деньги, все остальное, за чем ты гонялась до сих пор - бессмысленно.

- Это вовсе не бессмысленно, как только ты достигнешь вершины в любой области, ты станешь могущественным и ослепительным.

- Ну и что? Наши связи могут принести тебе кинозвезд мирового класса, мирового класса боевых тренеров, лучшие антиквариат. Они - сливки своих полей, но они могут заработать только несколько десятков миллионов, самое большее сто миллионов, и они все еще контролируются такими мастерами, как мы, они исчезают, остывают и вытесняются из своей области, их слишком легко заткнуть, - небрежно ответил старик.

- Людей так просто не проведешь, - Барцетина нахмурилась.

- Ты ошибаешься, - старик покачал головой, — люди не могут видеть истину момента, вот почему их легче всего обмануть. Сейчас цифровой век - все реальное может стать фальшивым, и все поддельное может стать реальным.

- Забудь об этом, я не хочу с тобой спорить, я понимаю, что ты имеешь в виду. Я буду готова к будущему, - Барсетина встала, поправила джинсы, повернулась и вышла из комнаты.

Выйдя из дома деда, она медленно повела машину по тенистой тропинке, и почему-то в сердце Барцетины поселилась глубокая обида. Перед лицом своей большой семьи ее собственная сила казалась такой маленькой и слабой. Социальные круги, которые она так усердно создавала, были не более чем шуткой в глазах ее семьи. Они легко могли разрушить все связи, которые у нее были, и полностью изолировать ее. Но она не сдавалась, она любила собирать и бороться, и она будет использовать тонну денег и энергии на этих двоих каждый год.

Достав телефон, она позвонила своей хорошей подруге.

- Эй, Кэм? Как обстоят дела с новой выставкой?

- Что такое? Что-то случилось дома, так что ты, вероятно, не можешь сделать это?

- Всё нормально. Тогда как насчет того, чтобы встретиться днем и немного прогуляться? Просто относись к этому как к прогулке для снятия стресса, или у тебя есть что-то срочное? Окей...

Повесив трубку, Барсетина набрала другой номер.

- Крис, что ты делаешь? Что? Ты переезжаешь в другой дом? И когда же? Я заберу тебя прямо сейчас!

- Нет необходимости. Ладно, ладно...

Еще один друг внезапно похолодел.

Барцетина уже чувствовала, как огромная сеть, сплетенная ее семьей, медленно приближается к ней, и она была бессильна сопротивляться. Стиснув зубы, она набрала еще один номер, но этот даже не ответил, никто не взял трубку.

Друзья, товарищи, члены клуба, номер ассоциации коллекционеров - либо не брали трубку, либо у них были всевозможные плохие новости. Большинство членов ассоциации коллекционеров она начала даже бросать все сразу, и ассоциация оказалась на грани краха.

- Вот чёрт! - Барсетина ударила кулаком по рулю, и машина резко остановилась, сопровождаемая звуком аварийных тормозов позади нее.

Ее окружение было настолько хрупким, что никто из них не мог противостоять давлению со стороны ее семьи, то есть давлению, исходящему от всех форм общества - тяжелому и удушающему.

Не останавливаясь, она набирала все новые и новые телефонные номера, но звонки встречались либо отчаянным молчанием, либо своенравными отказами.

Она медленно протянула руку всем, кого когда-либо встречала или кому звонила. Она обзвонила все номера, один за другим, но результаты были все еще раздражающими и безнадежными, паутина связей, которые она считала широкими и сложными, только выглядела огромной, но все еще контролировалась властью ее семьи, без каких-либо исключений.

Ее эмоции становились все более и более отчаянными. В конце концов, с последним лучом надежды, она набрала ещё один номер.

Это был номер незнакомца, которого она встретила на дружеском соревновании по борьбе в Америке. Она пыталась найти место, куда семья не могла бы добраться.